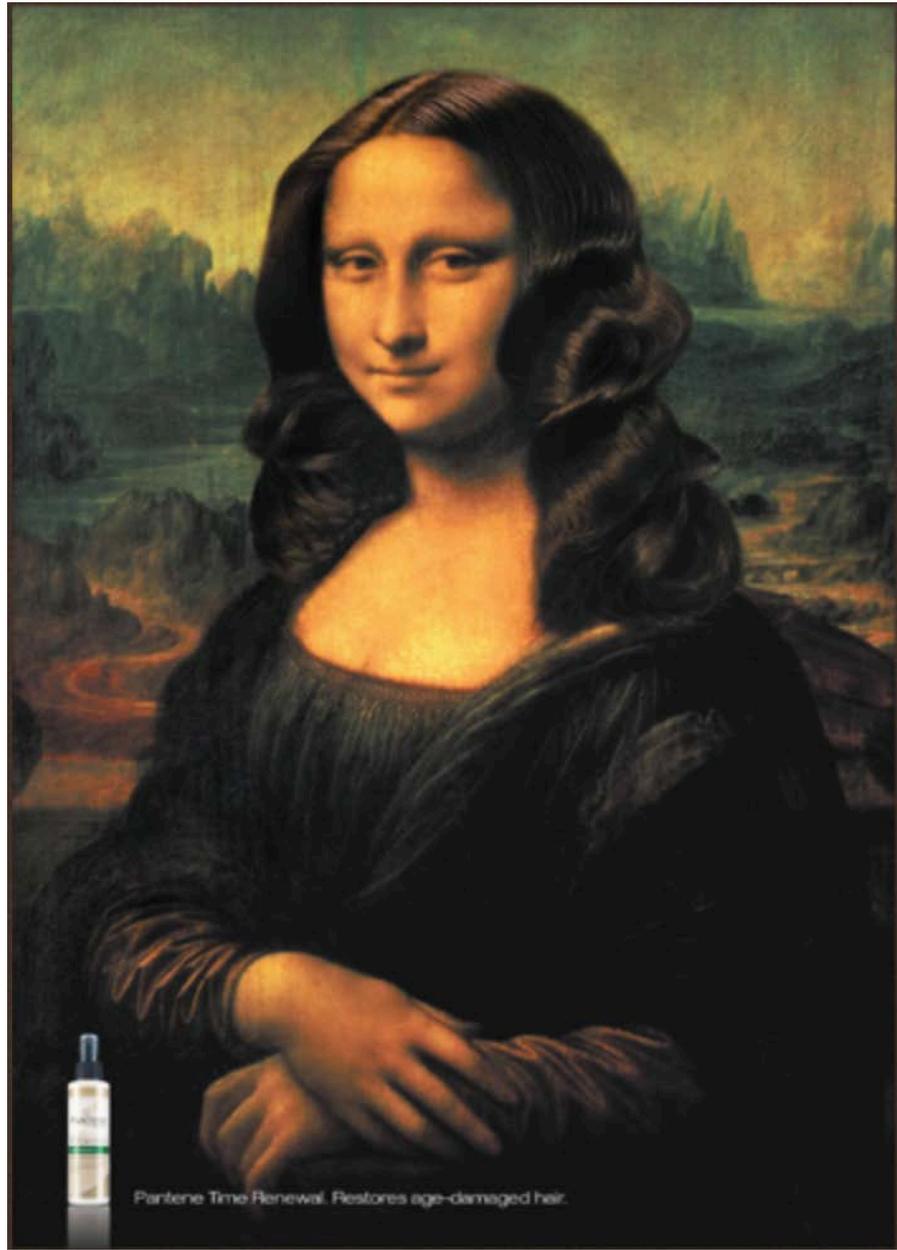

Постмодернизм

как способ взгляда на мир

Юлия Сергеевна
Петрачкова,
школа 1514, Москва

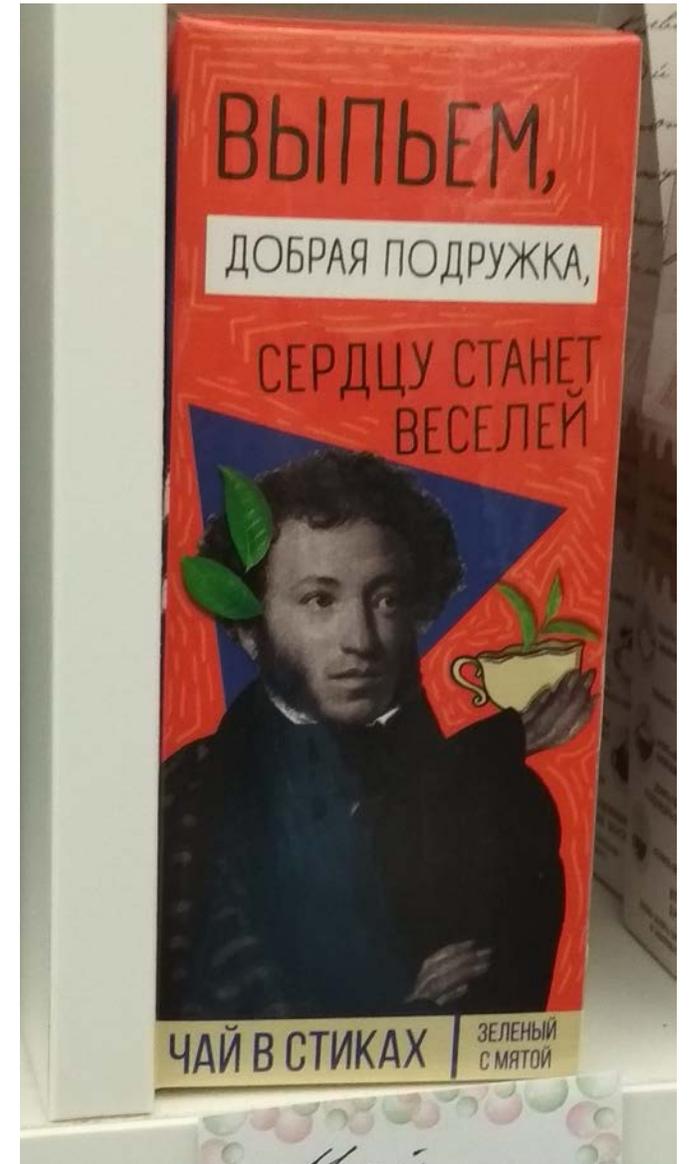
Диего Веласкес
Менины
1656

Пабло Пикассо
Менины
1957

Ирма Груенхольц
Менины
2011

“Имейте в виду: если в критической статье, которую вы читаете, встречаются формулировки: «Автор работает в стиле постмодернизма»; «Произведение выполнено в жанре постмодернизма»; «Перед нами художник постмодернистской школы», — не следует тратить время на чтение этого текста, ибо автор его некомпетентен.

Постмодернизм – не «жанр», не «стиль» и, тем более, не «школа», к которой можно «принадлежать». Постмодернизм – это ситуация. Своего рода культурное «бытие», которое действительно «определяет сознание». По крайней мере, сознание художника, помещенного в ситуацию постмодернизма. Поэтому, рассуждая о постмодернизме, следует иметь в виду, что речь идет не о «жанровых канонах» и не об «особенностях стиля», а о некоторых аспектах творческого поведения”.

Макс Фрай

“Азбука современного русского искусства”

Итак, во всем происходящем в XXI веке виноват, конечно же, постмодернизм... Он превратился в мем, который на устах даже у тех людей, которые мало читают и для которых культура лишь развлечение... Постмодернизм добрался до России, превратившись из термина изысканной эстетики в ходовое словцо, которым легко отшутиться, отмахнуться от всего сложного и непонятного...

Михаил Эпштейн
«Постмодернизм в России»

— Откуда такая убеждённость, что всё так, как ты думаешь?

Лёва открывался легко, как спичечный коробок...

— Я как раз всё время сомневаюсь... — тут же стал оправдываться он.

— Откуда такая убеждённость, что всё так, как ты сомневаешься?

Андрей Битов. «Пушкинский дом»

— Что это такое – постмодернизм? — подозрительно спросил Стёпа.

— Это когда ты делаешь куклу куклы. И сам при этом кукла.

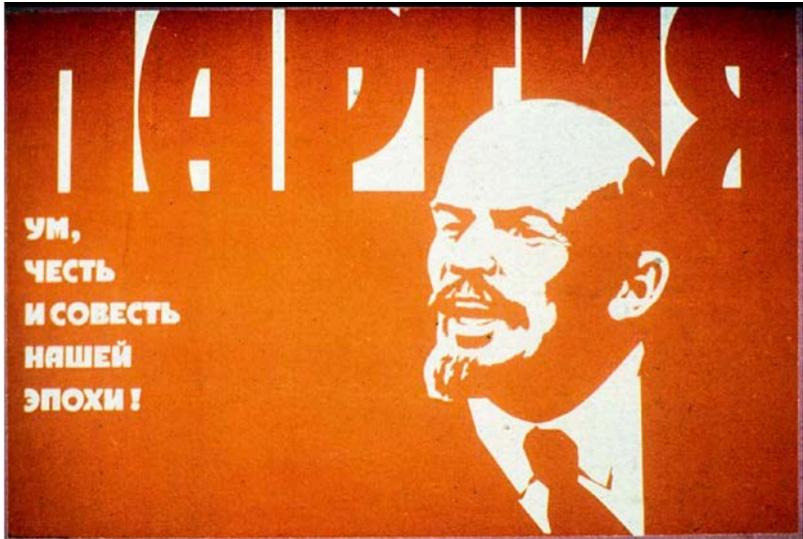
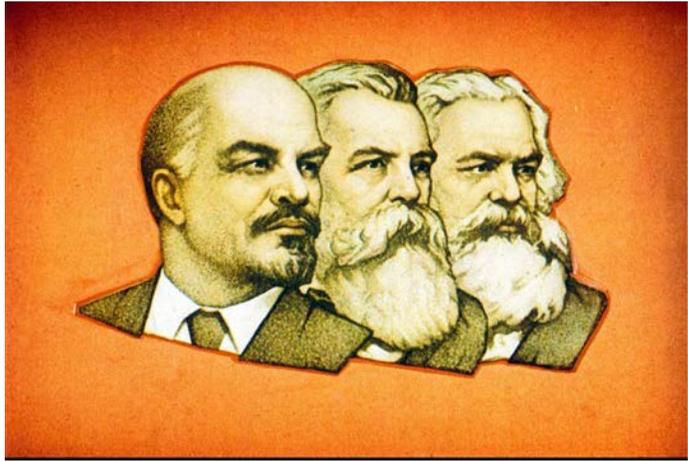
Виктор Пелевин

«Числа»

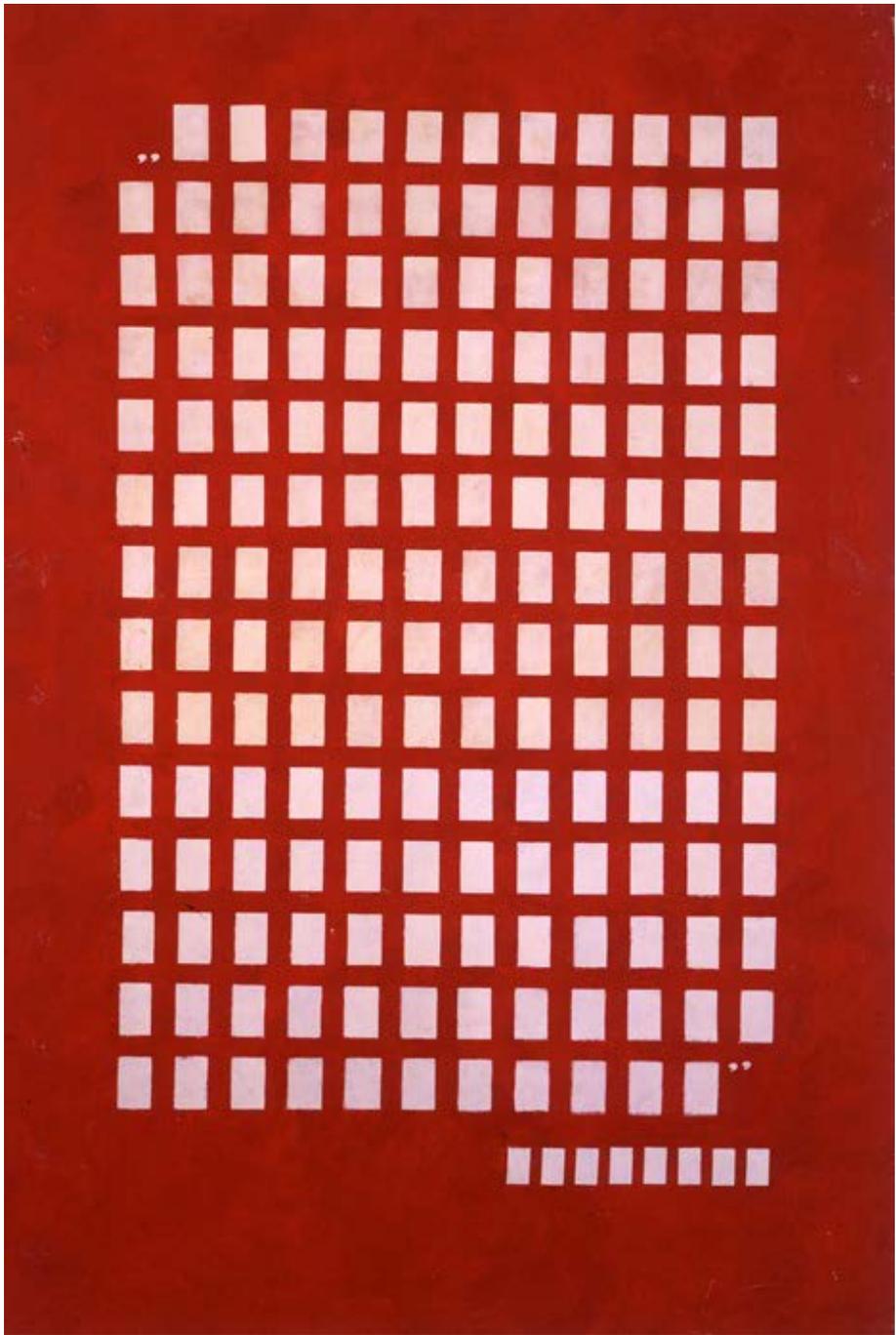

ВАМ ХОРОШО !

Я НИ НА ЧТО НЕ ЖАЛЮЮСЬ И МНЕ ВСЕ ПРАВИТСЯ, НЕСМОТРЯ НА ТО,
ЧТО Я ЗДЕСЬ НИКОГДА НЕ БЫЛ И НЕ ЗНАЮ НИЧЕГО ОБ ЭТИХ МЕСТАХ.

- Николай!.. К пушкину!

Сырая метель набросала пушкину вороха снега на сутулую голову, на согнутую руку, будто лазал он по чужим избам, по чуланам подворовывать, набрал добра сколько нашлось, - а и бедное то добро, непрочное, ветошь одна, - да и вылезит с-под клетки, - тряпье к грудям притиснул, с головы сено трухлявое сыплется, все оно сыплется!..

Что, брат пушкин? И ты, небось, так же? Тоже маялся, томился ночами, тяжело ступал тяжелыми ногами по наскребанным половицам, тоже дума давила?

Тоже запрягал в сани кого порезвей, ездил в тоске, без цели по заснеженным полям, слушал перестук унылых колокольцев, протяжное пение возницы?

Гадал о прошлом, страшился будущего?

Возносился выше столпа? - а пока возносился, пока мнил себя и слабым, и грозным, и жалким, и торжествующим, пока искал, чего мы все ищем, - белую птицу, главную книгу, морскую дорогу, - не заглядывал ли к жене-то твоей навозный Терентий Петрович, втируша, зубоскал, вертун полезный?..

Ты, пушкин, скажи! Как жить? Я же тебя сам из глухой колоды выдолбил, голову склонил, руку согнул: грудь скрести, сердце слушать: что минуло? что грядет? Был бы ты без меня безглазым обрубком, пустым бревном, безымянным деревом в лесу; шумел бы на ветру по весне, осенью желуди ронял, зимой поскрипывал: никто и не знал бы про тебя! Не будь меня - и тебя бы не было! Кто меня верховной властью из ничтожества воззвал? - Я воззвал! Я!

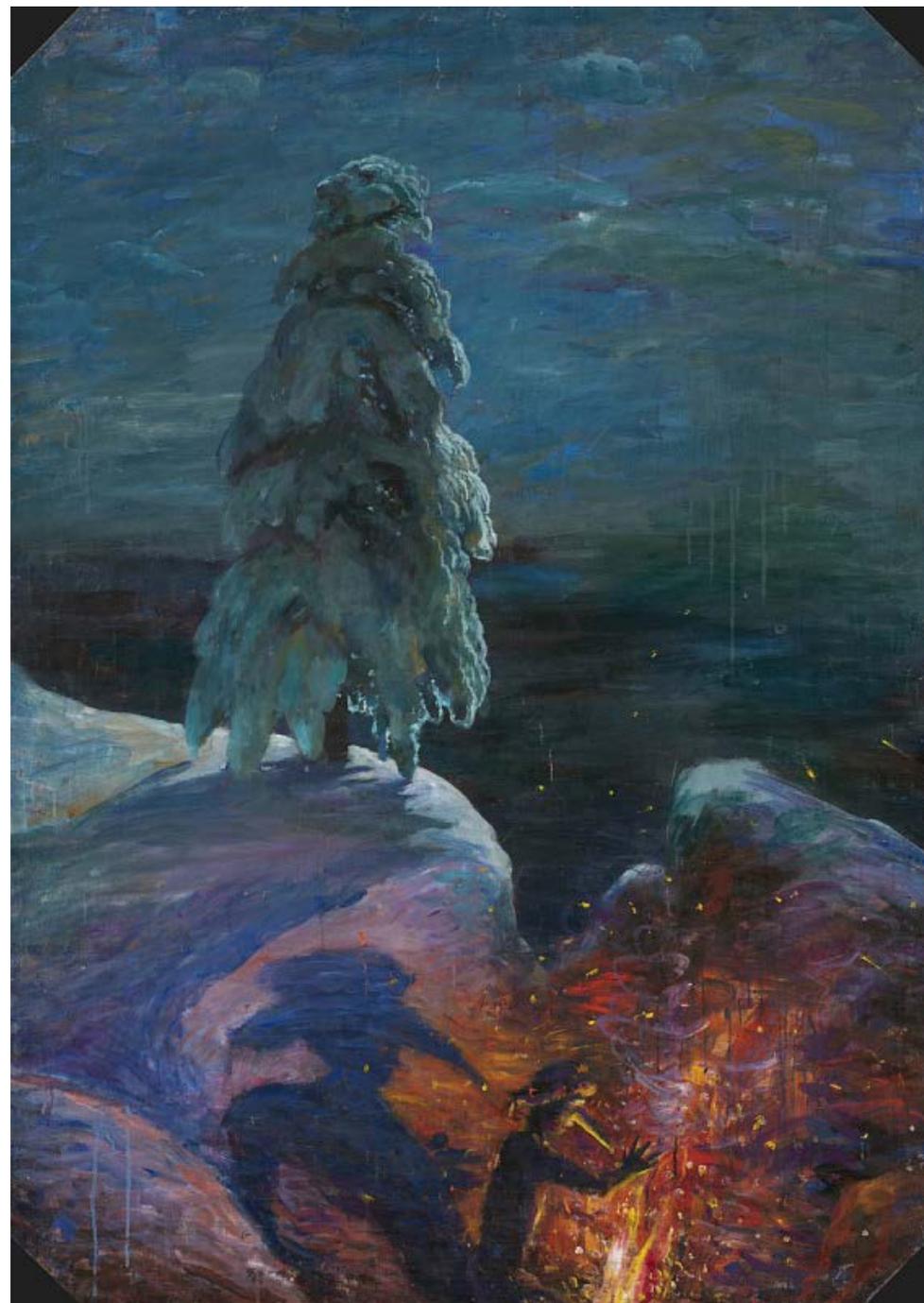
Это верно, кривоватый ты у меня, и затылок у тебя плоский, и с пальчиками непорядок, и ног нету, - сам вижу, столярное дело понимаю.

Но уж какой есть, терпи, дитяtko, - какие мы, таков и ты, а не иначе!

Ты - наше все, а мы - твое, и других нетути! Нетути других-то! Так помогай!

Татьяна Толстая. "Кысь" (фрагмент романа)

Игорь Макаревич
Буратино на севере
1994

Всякий текст образуется из цитат, не только отсылающих к какому-то известному произведению, но, часто, неуловимых и анонимных, т.е. аллюзий. В литературе он существовал и раньше... Но лишь в постмодернизме становится осознанным приёмом.

В эстетике постмодернизма «своё» слово — это многократно отражённое «чужое»... Каждый текст подобен палимпсесту, в котором «новое» написано поверх «старых».

Коваленко А. Г.

«Литература и постмодернизм»

— Берегись! — слышался испуганный крик солдата, и как свистящая на быстром полете, приседающая на землю птичка, в двух шагах от князя Андрея, подле лошади батальонного командира, негромко шлепнулась граната. Лошадь первая, не спрашивая того, хорошо или дурно было выказывать страх, фыркнула, взвилась, чуть не сронив майора, и отскакала в сторону. Ужас лошади сообщился людям.

— Ложись! — крикнул голос адъютанта, прилегшего к земле. Князь Андрей стоял в нерешительности. Граната, как волчок, дымясь вертелась между ним и лежащим адъютантом, на краю пашни и луга, подле куста полыни.

«Неужели это смерть», думал князь Андрей, совершенно новым, завистливым взглядом глядя на траву, на полынь и на струйку дыма, вьющуюся от вертящегося черного мячика. «Я не могу, я не хочу умереть, я люблю жизнь, люблю эту траву, землю, воздух...» Он думал это и вместе с тем помнил о том, что на него смотрят.

— Стыдно, господин офицер! — сказал он адъютанту, — какой... — Он не договорил. В одно и то же время слышался взрыв, свист осколков как бы разбитой рамы, душный запах пороха, и князь Андрей рванулся в сторону и, подняв кверху руку, упал на грудь.

Несколько офицеров подбежало к нему. С правой стороны живота расходилось по траве большое пятно крови.

Вызванные ополченцы с носилками остановились позади офицеров. Князь Андрей лежал на груди опустившись лицом до травы и, тяжело всхрипывая, дышал.

— Ну что стали, подходи!

Мужики подошли и взяли его за плечи и ноги и положили на носилки.

— Ах, Боже мой! Боже мой! Что ж это?.. Живот! Это конец! Ах, Боже мой, — слышались голоса между офицерами. — На волосок мимо уха прожужжала, говорил адъютант.

Мужики, приладивши носилки на плечах, поспешно тронулись по протоптанной ими дорожке к перевязочному пункту.

— Ваше сиятельство? А? князь? — дрожащим голосом сказал подбежавший Тимохин, заглядывая в носилки.

Князь Андрей открыл глаза и посмотрел из-за носилок, в которые глубоко ушла его голова, на того, кто говорил, и опять опустил веки.

О. Погодина-Кузмина

Гибель Надежды (фрагмент)

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, писатель Мухобойников обнаружил, что он у себя в постели превратился в Надежду Константиновну Крупскую. На его груди появились две гигантские выпуклости, обтянутые несвежей трикотажной майкой... Но неизмеримо ужаснейшая пропасть леденила смертным сквозняком из той части сознания, где поселился фантом мыслящей вдовы коммунистического вождя.

Мухобойников видел комнату, оклеенную желтыми обоями, служившую ему спальней и рабочим кабинетом. Стол, заваленный черновиками незаконченного романа – в Союзе писателей Мухобойников проходил по секции прозы, – занимал свое привычное место у окна. Из кухни слышались звуки и голоса. Дочь и жена о чем-то спорили, подвывала резиновая прокладка в старом кране, в железной мойке клацали ложки. Очевидно, весь мир оставался прежним, а необъяснимым изменениям подверглась только личность самого Мухобойникова.

Чтобы отогнать наваждение, он прибегнул к испытанному способу: закрыл глаза и постарался задремать, чтобы заново очнуться в образе самого себя. За сорок семь лет более-менее творческой деятельности он успел привыкнуть к своему естеству. Конечно, он бы не отказался, подобно Фаусту, променять себя нынешнего на кипящую страстями и подверженную соблазнам обновленную версию. В целях писательского эксперимента мог рассмотреть и возможность обмена телами с рыжеволосой вакханкой в тесной суконной юбке, в очках и в упругом бюстгальтере модели «Анжелика» – этот тип женщин до сих пор казался ему притягательным. Но очутиться в облике базедовой старухи со спутанным революционным сознанием – это было слишком даже для производителя фантастики, что уж говорить о Мухобойникове, имевшем негромкую славу психолога и вдумчивого описателя внутренней жизни.

Он и в самом деле задремал, проснулся же от мысли, что сказки Чуковского архивредны для детей и подлежат запрету. Перебирая список дел на утро, он напомним себе записать несколько важных пунктов о недостатках педагогической системы Антона Макаренко для журнала «Красная новь», и на лбу его выступил холодный пот.

Ощупывая свое тело тонкими и слабыми руками, Мухобойников натыкался на складки жира, внезапные провалы и утолщения в самых неожиданных местах. Это не было сном. Надежда Крупская с удобством разместилась в его теле с явным намерением потеснить, а то и выкинуть хозяина вон.

В комнату кто-то вошел, спертый воздух спальни наполнился кухонными запахами. Мухобойников скорчился под одеялом, обеими руками обнимая тестообразные груди. Прошелестели шаги. Со скрипом отворилась дверца шкафа. Дочь тихо выругалась, вытягивая из кома одежды какой-то необходимый ей предмет.

{...} «И все же нужно вставать, – подумал Мухобойников. – Нужно работать. Утро – на разгром ошибочных теорий Макаренко. После обеда – выступление в коммуне ВСЕКОХУДОЖНИКА. Нужно ехать. Посмотреть, чем живет новая молодежь».

Ф. Кафка

Превращение (фрагмент)

Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, Грегор Замза обнаружил, что он у себя в постели превратился в страшное насекомое. Лежа на панцирнотвердой спине, он видел, стоило ему приподнять голову, свой коричневый, выпуклый, разделенный дугообразными чешуйками живот, на верхушке которого еле держалось готовое вот-вот окончательно сползти одеяло. Его многочисленные, убого тонкие по сравнению с остальным телом ножки беспомощно копошились у него перед глазами.

«Что со мной случилось?» — подумал он. Это не было сном. Его комната, настоящая, разве что слишком маленькая, но обычная комната, мирно покоилась в своих четырех хорошо знакомых стенах. Над столом, где были разложены распакованные образцы сукон — Замза был коммивояжером, — висел портрет, который он недавно вырезал из иллюстрированного журнала и вставил в красивую золоченую рамку. На портрете была изображена дама в меховой шляпе и боа, она сидела очень прямо и протягивала зрителю тяжелую меховую муфту, в которой целиком исчезала ее рука.

Затем взгляд Грегора устремился в окно, и пасмурная погода — слышно было, как по жести подоконника стучат капли дождя — привела его и вовсе в грустное настроение. «Хорошо бы еще немного поспать и забыть всю эту чепуху», — подумал он, но это было совершенно неосуществимо, он привык спать на правом боку, а в теперешнем своем состоянии он никак не мог принять этого положения. С какой бы силой ни поворачивался он на правый бок, он неизменно сваливался опять на спину. Закрыв глаза, чтобы не видеть своих барахтающихся ног, он проделал это добрую сотню раз и отказался от этих попыток только тогда, когда почувствовал какую-то неведомую дотоле, тупую и слабую боль в боку.

«Ах ты, господи, — подумал он, — какую я выбрал хлопотную профессию! Изю дня в день в разъездах. Деловых волнений куда больше, чем на месте, в торговом доме, а кроме того, изволь терпеть тяготы дороги, думай о расписании поездов, мирись с плохим, нерегулярным питанием, завязывай со все новыми и новыми людьми недолгие, никогда не бывающие сердечными отношения. Черт бы побрал все это!» Он почувствовал вверху живота легкий зуд; медленно подвинулся на спине к прутьям кровати, чтобы удобнее было поднять голову; нашел зудевшее место, сплошь покрытое, как оказалось, белыми непонятными точечками; хотел было ощупать это место одной из ножек, но сразу отдернул ее, ибо даже простое прикосновение вызвало у него, Грегора, озноб.

...

Но потом он сказал себе: «Прежде чем пробьет четверть восьмого, я должен во что бы то ни стало окончательно покинуть кровать. Впрочем, к тому времени из конторы уже придут справиться обо мне, ведь контора открывается раньше семи». И он принялся выталкиваться из кровати, раскачивая туловище по всей его длине равномерно.

Воротясь домой, Целиковский вытащил из почтового ящика, приколоченного к калитке, письмо от ведуньи Маёвкиной, удивился и засел с ним в любимом своем углу.

«Вот пишу вам письмо,— разбирал он сквозь стекла очков с большими диоптриями,— куда уж дальше, что уж тут скажешь, кроме того, что теперь вы меня можете презирать. Но, если вам меня хоть капельку жалко, прочитайте, пожалуйста, до конца.

Сначала я хотела молчать, и вы никогда бы не узнали моего стыда, если бы у меня была возможность видеть вас хоть через день.

И зачем только вас нелегкая принесла к нам на Татарки? Так бы я жила себе поживала, не зная сердечной муки. Но уж, знать, на то не наша воля, от судьбы не уйдешь, недаром вы мне снились еще до того, как пришли ко мне за советом. А как вы вошли в дом, так я вас сразу узнала, что вы мой суженый, и прямо вся вспыхнула от любви. Но только что из всего этого получится, счастье или грех, уж вы, пожалуйста, разрешите мои сомнения. Может быть, все пустое.

Только знайте, что с того самого дня вы моя единственная надежда и отрада, родственник человек, и, кроме вас, меня не поймет в городе ни одна живая душа. Короче говоря: да или нет?

Ну вот и все. Даже перечитать страшно. Стыдоба, конечно, только и надежды, что вы сознательный человек».

Валентин Эрастович сложил письмо вчетверо, спрятал его в ящик тумбочки и подумал, что, видимо, это Маёвкина лечит свой застарелый гастрит или у нее такая хитрая терапия против отмирания всех частей. Впрочем, было не исключено, что это серьезно, что у Маёвкиной в самом деле возникло чувство, которое требовало ясности отношений; с одной стороны, лестно было, что при сомне болезней, при самой невзрачной внешности да в его-то годы он сумел ненароком влюбить в себя приятную женщину, но, с другой стороны, это выходила новая тягота, требующая определенного, а главное, совершенно излишнего напряжения разума и души.

...Все-таки сильно было не по себе оттого, что предстояло расхлебывать внезапный роман с ведуньей. Валентин Эрастович тяжело вздохнул, вытащил из ящика тумбочки перо, чернильницу, ученическую тетрадь и начал писать ответ:

«Прочитал ваше письмо. Мне понравилась ваша доверчивость, искренность, а чувство, которое возникло у вас по отношению к моей скромной особе, взволновало меня до крайности. Но, посудите сами: я человек в годах, занятый делом и вообще не созданный для счастья. Поэтому я недостоин вашей любви и ваша приятная внешность не про меня...»

Вячеслав Пьецух, «Человек в углу» (фрагмент рассказа)